

Наташа Труш
Котенъка и Никулишна

Наташа Труш
Котенька и Никулишна

«Издательские решения»

Труш Н.

Котенька и Никулишна / Н. Труш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832490-1

...Рассуждая о том, почему кошки любят возвращаться в свой дом, котенька за теплом, уютom и полной мисочкой сухого корма забыл о самом главном — о любви. Это ведь из-за нее подзагулявший основательно кошак, или кошка, уважающая жить «сама по себе», возвращаются в свой дом. Вкусная еда — это хорошо. Когда ее много, этого не ценишь. Когда ее нет, понимаешь, как без нее грустно. Но, насытившись, кошка ждет, когда на голову ей опустится рука, и будет гладить, щекотать между ушами. Вот это уже любовь.

ISBN 978-5-44-832490-1

© Труш Н.
© Издательские решения

Котенька и Никулишна

Наташа Труш

Тра-та-та! Тра-та-та!

Вышла кошка за кота!

За кота-котовича, за Петра-Петровича. Он усат, полосат.

Ну, не кот, а просто клад!

(детская потешка)

© Наташа Труш, 2018

ISBN 978-5-4483-2490-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кота звали совсем не Петр Петрович, однозначно. Но старая бабушка Анна Никулишна, которая качала его на руках, постоянно напевала такую песенку. Иногда очень тихо, чтобы никто, кроме кота, ее не услышал. Иногда – громче, когда они оставались вдвоем.

Кот тогда был котенком – месяц от роду! – и помещался в коричневых ладошках Никулишны, сухих, со скрюченными пальцами, похожими на изломанные ветки старого дерева. Ему было уютно и спокойно в этих руках, как в колыбельке. Никулишна шуршала у него за ушами, почесывала живот, и котенку было так смешно и щекотно, что он дрыгал задними лапами, и норовил укусить ее за руку. Но не кусал, а лишь трогал молочными зубками твердые старушечьи пальцы. И жмурился. И «пел песни» – хрاندучал довольно и сыто.

Странно как-то все в его жизни повернулось. Где его угораздило родиться, котенок не помнил. Скорее всего, это было случайное появление на свет, не запланированное. Родителей своих он не знал. Совсем. Просто какая-то темнота была там, где должна была быть мама-кошка. Да и батя-кот, по идее, должен был хотя бы изредка мелькать на горизонте. Но...

Не мелькал батя, и маму котенок совсем не помнил. Что-то вроде амнезии, как от сотрясения мозга! Впрочем, маленькие дети тоже, вроде, не помнят себя в ползунках и памперсах, а помнят уже в красном пальто с белыми горохами и с игрушечным самосвалом на веревочке. Вот и котенок помнил себя в компании таких же, как он сам, уже подросших, котят всех мастей. Помнил, что жили они в каком-то доме, в большой картонной коробке, которая стояла посреди комнаты. Помнил хозяйку, Катерину Ивановну. Котенок сам слышал: так ее называла соседка по лестничной клетке. А сосед по коммунальной квартире – дворник дядя Федор – звал Катькой-кошатницей или «кошачьей матерью», за что хозяйка ругалась с ним беззлбно.

Котенок хорошо помнил, как хозяйка дома кормила их молоком с белой булкой. Булку крошила мелко-мелко, а молоко было хорошее, вкусное, будто из-под деревенской пятнистой коровы, и кормежка получалась сытной. Хозяйка выливали мешанину из булки и молока в большую сковородку. Посудину с молоком ставила в коробку, и котята располагались по кругу. Очень удобно! И мягко, если ты зажат с двух сторон почти родными братьями и сестрами. Но котенку не всегда везло, и порой его прижимали левым или правым боком к железной ручке сковороды. Это было больно! И пока котенок пристраивался поудобнее, более проворные успевали все съесть.

Он быстро сообразил, что надо держаться подальше от этой сковородкиной ручки, и самый простой путь к еде – аккуратно растолкать собратьев и вклиниться между ними в удобном месте.

Иногда котят с утра не кормили. Их сажали в клеточку с мягкой подстилкой и куда-то везли. Это «куда-то» было в людном месте. Мимо клеточки по замусоренному серому асфальту постоянно шли люди: кто-то – влево, а кто-то – вправо. Кто-то не обращал внимания на клеточку с котятами, а кто-то останавливался, рассматривал их, говорил: «Какие хорошенькие!», аккуратно гладил малышей, и шел дальше.

Иногда кто-то стоял долго, брал в руки то одного, то другого котенка, задавал какие-то вопросы хозяйке. Потом вздыхал, бормотал под нос что-то типа: «взял бы, но...» Такие, кстати, иногда возвращались, и, махнув рукой, протягивали хозяйке бумажку, на которой было написано «Сто рублей». Котенка аккуратно вытаскивали из клеточки, внимательно рассматривали у него что-то под хвостиком, дули в шерстку, и уходили с ним.

Довольная хозяйка обмахивала бумажкой оставшихся котят. Они думали, что с ними играют, и пытались коготками схватить сторублевку. На самом деле, это был такой ритуал: чтоб товар продавался бойко, денежками от первой продажи продавцы обмахивают товар. Предрассудок, конечно, суеверие, но иногда это помогало, и выводок к концу дня уменьшался. Катерина Ивановна радовалась. Не деньгам, которые выручила. Что это за деньги – две-три сотни рублей?! Радовалась тому, что вечером у сковородки с молоком было просторнее, и обитатели ее кошачьего дома наедались, как она говорила, «от пуза».

А еще Катерина Ивановна называла котят «паразитами». Но без злости. Больше для порядка. Понять ее было можно. Кормить стадо нужно было не только молоком. Чтобы котята хорошо росли, им и творог был нужен, и фарш мясной, и рыбка. А еще за ними надо было убирать! И это Катерине Ивановне совсем не нравилось, хоть она терпеливо это делала. Но вот тут-то и награждала малышей словом этим – «паразиты». Было за что: каждый котенок наливал за день не менее десятка луж, и кучки она находила в самых неожиданных местах.

И все же она их любила. И погладить могла, и на руки взять. И вообще подвиг совершала, принимая котят у горожан. Это у нее такой бизнес был, малый! Котят принимала не просто так, а за деньги. Для тех, у кого руки не поднимались утопить новорожденных малышей, ее руки были спасением. Люди были готовы заплатить за свою свободу. Деньги не велики, зато совесть чиста. Катерина Ивановна только просила всех, кто звонил по ее объявлениям, чтоб покормили малышню «мамкиной сиськой» пару недель. Ну, не вытянуть ей было бы слепых котят! Это ведь или вместе с мамкой-кошкой брать весь выводок, или кормить крошек из пипетки. Но два десятка котят из пипетки... Такого даже Катерина Ивановна со всей ее любовью к кошкам не осилила бы. Впрочем...

...Как-то раз сосед по коммуналке дядя Федор, полез в прихожей в «места общего пользования» – в шкаф. Что там пытался найти, он потом не смог вспомнить, но выпал оттуда с грохотом и треском. Катерине, которая выскочила на шум, сосед, заикаясь, сказал, что на него набросилась... мышь!

– В таких случаях принято говорить: «Пить надо меньше!» – Проворчала Катерина и понюхала соседа. Но от дяди Федора ничем плохим не пахло. Как раз наоборот: от него пахло вкусной гречневой кашей с мясом.

– Какое «пить»! Катька, ты сама-то попробуй! Вот там, в углу, у нее, похоже, гнездо! И мышь из него на меня прыгнула! И, знаешь, что... Она там как будто что-то охраняет!

Катерина Ивановна еще раз посмотрела на соседа. С большим сомнением. Но больше принюхиваться не стала, и полезла в шкаф.

Мышь она не нашла. Зато обнаружила гнездо с голыми слепыми мышатами. Катерина не сразу поняла, что там такое живое и теплое в самом углу на старой фуфайке дяди Федора, когда влезла в гнездо рукой.

– Дядь Федь, беда у нас! Тут дети!

– Какие дети? – Не понял сосед.

– Какие-какие? Мышки маленькие! А вот матери-то нет. Напугали мы ее! Надо оставить все, как есть, может, мать и вернется. Только ты тоже потише тут ползай, не шарахайся туда-сюда!

Мышка-мать не появилась ни в этот день, ни на следующий. Напрасно Катерина прислушивалась к тому, что происходит в шкафу. Ничего там не происходило. Только слышно было, как пищали брошенные дети. Увы, в мире живой природы такое случается: если мышка почувствует, что гнездо обнаружено, она может детей не только бросить, но даже съесть. «А, может быть, с ней что-то случилось? Ну, например, закрыли ее в каком-нибудь другом шкафу в соседской коммуналке, куда она унеслась от страха!»

Надо было что-то делать, и Катерина аккуратно выбрала малышей из гнезда. Их было ровно семь! И они были похожи на новорожденных человечьих младенцев: закрытые глазки, розовая кожа, а на лапках – настоящие крошечные пальчики, только не с ноготками, а с коготками. Правда, рассмотреть все это можно было только в очках или через лупу!

У дяди Федора в хозяйстве нашелся старый круглый аквариум, в котором он держал гвозди, шурупы и саморезы, и стеклянная крышка от кастрюли тоже нашлась. В аквариуме было устроено новое гнездо из кусочков газеты и клочков ваты. Вату надергали из рукава фуфайки дяди Федора. В рукаве была дырка. Видимо, ранее ее прогрызла мышка-мать и оттуда же дергала вату для гнезда.

Но лежанка для малышей – это не самое главное. Главное было выкормить детей.

– Катька! Выкинь ты их! – Виновато посоветовал Катерине сосед. – Надо ж, как угораздило-то!

«Выкинь!», – надо ж так сказать!» – Катерина разводила в чашке сухую детскую смесь, которую специально держала для самых мелких котят – случались и такие в ее хозяйстве.

Кормить мышат пришлось каждый час. И ночью тоже... Катерина Ивановна располагалась под настольной лампой, чтоб было и малышам тепло и ей светло. Она доставала их по очереди из гнезда, и капала в рот одну каплю молока из пипетки. Потом массировала пальцем крошечный животик, сквозь тонкую прозрачную кожу которого просвечивали внутренности, и откладывала голого и слепого мышонка в сторону. Сосед дядя Федор, однажды понаблюдавший за процессом кормежки, дал питомцам-грызунам меткое название – выкормыши! И похвалил Катерину:

– Ты, Катька, не только кошачья мать! Ты еще и мышья мать!

Катерине эта мужская похвала была как медаль на грудь. Судьба так распорядилась, что счастье материнства ей не дано было испытать, но через ее руки прошло столько кошачьих детей, что и с мышиным выводком она управлялась легко. А дети все одинаковы, хоть кошкины, хоть мышьины.

Может быть, новорожденных мышей надо было кормить как-то по-другому, но Катерина Ивановна делала это так, как умела. И, наверное, она все делала правильно, так как малыши росли не по дням, а по часам. Из розовых и голеньких они быстро превратились в таких, какими и должны быть мышата – в серебристо-сереньких. У них открылись ушки и глазки, вытянулись хвостики, а дней через десять они шустро прыгали внутри аквариума и пробовали на зуб все, что попадалось на пути.

Катерина Ивановна уже задумалась о том, куда пристроить крепко вставших на лапы зверьков, как ситуация разрешилась сама собой. В один прекрасный день она забыла накрыть мышиный «дом» крышкой, и ее выкормыши разбежались. В их старой коммуналке было

столько мышинных нор под плинтусами, что жилищных проблем у зверьков не было. Мыши ведь не котята, им хозяин не нужен.

Перевалочная база для котят в квартире Катерины Ивановны исправно работала круглый год, без перерывов на отпуск. Какой отпуск, когда живности полон дом?! Одни малыши уходили в добрые руки, другие занимали их место возле сковородки с молоком.

Вот такое детство было у котенка без роду и племени. Не очень ласковое, полусиротское – без мамы, без бати, но все же не подвальное, сытное, и даже без блох. За этим хозяйка перевалочной базы следила очень строго. Блох она боялась. Они и человека сожрут – глазом не моргнут. Или чем там они моргнуть могут, блохи. Поэтому новые малыши попадали сначала в карантин – в отдельную коробку с подстилкой из душистых трав, от которых котята чихали, а блохи отдавали концы. А еще хозяйка без устали перебирала по волоску шубку каждого малыша, выискивая кусачих насекомых. И если находила, то объявляла войну. Тут были и капли в холку, и помывка, и вычесывание гребешком. Зато котята уходили в добрые руки чистыми, здоровыми, без паразитов, хоть и называла их Катерина порой этим словом. Но не со зла же...

Она не была злой. Как раз наоборот – она была доброй. Если бы не она, то бездомных кошек и котов было бы на улицах куда больше. А с улицы котенка в приличный дом никто не возьмет, даже если он кровей голубых. Да таких-то и не встречалось ей. Котята самые обычные были. Изредка приносили пушистых, и она была им очень рада, потому что их можно было дороже продать.

Этот же котенок был самым обычным: серым и полосатым. Необычным у него был только большой нос. Он был носатым, как лицо кавказской национальности. И более ничего примечательного. Пристроить такого – это как выиграть мотоцикл в лотерею. Он сам был похож на мотоцикл. Или еще хуже – на велосипед! Худенький, гладкошерстный – глаже не бывает, глаже только лысые донские и канадские сфинксы. Правда, малыш был шустрый, веселый, а это значит – здоровый. И мордашка у него была очень обаятельная. И кисточки на кончиках ушей. Маленькая рысь.

В тот день котенок был в ударе. Он без устали ловил свой хвост, задирали других котят, боролся с рыжим длинношерстным, смело заваливая его на обе лопатки покусывая за уши. Наконец, силы у него иссякли, и малыш уснул, свернувшись клубком.

Он крепко спал, когда мимо клетки прошла Вероника. Это котенок потом узнал, что ее зовут Вероника. А муж у нее – бизнесмен Геннадий. Это котенок тоже потом узнал. А дочка у них – девочка Варвара. Это котенок сразу узнал, потому что Вероника была с Варварой, которая схватилась двумя руками за клетку и стала вопить:

– Варя хочет котика!

От этих воплей котенок сразу проснулся, потянулся и зевнул. У него в этот момент была такая симпатичная, игрушечная, плюшевая мордашка, что девочка с новыми силами закричала:

– Ма! Хочу вот этого! Варя хочет котика!!!

Хозяйка котят всегда была категорически против того, чтобы ее воспитанники попадали в детские руки, но это был тот случай, когда можно легко избавиться от этого неказистого, носом похожего на лицо кавказской национальности, только с хвостом, а статью – на велосипед.

Женщина сообразила, что Варя – это вопящее существо в розовой кофточке, и взялась активно сватать котенка.

– Варенька, котика хочешь? Вот этого?! Проси-проси у мамы. А котик хороший! Мамочка, вы не смотрите, что он такой... неказистый. Котик справный! И самое главное – крысолов!

Последняя фраза Веронику явно заинтересовала:

– А вы откуда знаете, что крысолов?! – Недоверчиво спросила она. – Он же еще маленький!

– Ну, и маленький! Ну, и что?! Вы на морду-то его гляньте! Гляньте-гляньте! Такие носатые всегда крысоловами становятся. Берите, не пожалеете!

Вероника с сомнением разглядывала котенка, которому пророчили такое боевое будущее. Крысолов им очень понадобится, буквально через неделю. Надо переезжать на дачу. Дача – это так скромно они называют свой загородный дом. Хороший дом. Не дом, а терем! А вот крыс в нем – завались! Впрочем, тут все объяснимо: а где же им еще водиться, если не в богатом доме-тереме?! Слава богу, есть, что поесть-выпить в подвале.

Но подвалом крысы не ограничивались – шныряли, где им вздумается. На суперсовременную ультразвуковую установку, отпугивающую грызунов, крысы не обращали внимания, и прибор без толку пылился в подвале, мигая круглые сутки красными и зелеными лампочками. Бизнесмен Геннадий зря потратился на такую дорогую вещь. Все равно пришлось приглашать в дом какого-то знаменитого хитрого крысолова, который за большие деньги свистел на дудке три дня и три ночи. Под эту дудку крысы из дома ушли.

А как только крысолов уехал, получив за работу деньги, вся компания благополучно вернулась в дом.

Домовладелец бизнесмен Геннадий сделал вывод, что крысы ушли только из-за того, что звуки дудки действовали им на нервную систему, и пережидали этот концерт в окопе в дальнем конце огорода. Именно там были обнаружены некоторые съестные припасы, которые крысы прихватили с собой в качестве сухого пайка.

Вероника глубоко задумалась. Кот – это, конечно, лишние хлопоты, совершенно ей не нужные. С другой стороны – крысолов, если тетка не врет.

– Правда, крысоловом будет?!

– Правда-правда! – Подтвердила хозяйка. – Не сомневайтесь!

«А в-третьих, – Вероника посмотрела на дочку, вцепившуюся в клетку с котятками, – ребенок должен расти, соприкасаясь с миром живой природы».

Варя примолкла, понимая, что в этот момент решается судьба полосатого котенка, но готовая в любой момент включить сирену, и вопить на всю улицу, а если надо, то и завалиться на тротуар прямо в розовой кофточке и белых колготках, и молотить по асфальту нарядными красными туфельками.

Наконец, Вероника вздохнула, и сказала женщине-кошатнице:

– Ладно! Берем этого носатого! Сколько стоит?

– Ну, кот не простой, сами видите, – легко намекнула Катерина Ивановна. – Уж как сами оцените...

«Свою сотню я всегда успею получить, – подумала она. – А вдруг больше дадут?!»

И не ошиблась.

Вероника открыла свою нарядную сумочку, которая оказалась большим кошельком, пробежалась внутри длинными пальчиками с изящным маникюром, и достала три тысячных купюры.

«Ого-го! – Счастлива подумала кошатница, которой таких денег не давали даже за пушистых сибиряков. – Вот повезло – так повезло!»

Она бережно достала котенка из клетки, чеснула его против шерсти специальной мягкой щеточкой – чтоб товарный вид был получше. Котенок стал похож на полосатого ежика с большим носом. Она протянула котенка Вареньке, и погладила ребенка по голове.

– Держи! Не обижай его!

Если бы в тот момент она знала, как дальше сложится судьба маленького носатого котенка, у нее бы хватило сил отказаться от денег. Даже таких, каких ей не платили и за пушистых сибирских. И пусть бы он ошивался в их с дядей Федором коммунальной квартире, и вырос бы в смешного кота с большим носом, как положено крысолову, и выходил бы иногда на лестницу, где можно познакомиться с соседской кошкой Фросей. Пусть бы!

Но предугадать судьбу даже человеческую не так просто, а уж кошачью и тем более. И Катерина Ивановна была рада, что полосатый котенок попал в хорошие руки. То, что они хорошие, кошатница не сомневалась. «Вон, тетка-то как хорошо одета! Все на ней дорогое, с иголки. А денег сколько отвалила?! Всем бы моим ребятам такие руки!», – подумала Катерина, а вслух сказала:

– Берите – не прогадаете! Еще потом «спасибо» мне скажете!

Девочка Варя прижала котенка к груди, мать ее Вероника кивнула сдержанно, дескать, и так «спасибо». Они удалялись, унося котенка, а Катерина Ивановна смотрела им вслед с легкой грустью. Бизнес – бизнесом, но она очень привыкала к этим своим хвостатым ребятишкам, и расставаться с ними ей было не просто. И лишь одна мысль при этом грела ее: очередной малыш нашел дом, а пройдет немного времени и в этом доме его полюбят так, что будут себя сами спрашивать: «Как же мы жили-то раньше без тебя?!», и будут прощать ему разные кошачьи шалости, и неожиданные кучки в неподходящих местах, и порванные обои, и много еще чего.

Потому что, когда любовь, тогда умеют прощать.

* * *

В городе бушевал май, и на деревьях трещали почки, ломаясь от рвущейся наружу жизни – юной, зеленой. И мир от них был зеленым. Вернее, зелененьким. И воздух дрожал оттого, что земля дышала.

На выходные дни город пустел, зато за городом было не протолкнуться: отдыхающие, машины, собаки, кошки и даже хомячки с попугайчиками всех мастей и фасонов. Дачные окрестности дымились от костров: в одних тлели прошлогодние листья, а в других жарились шашлыки, и пеклась прошлогодняя картошка. А в чуть тронутых робкой зеленью кустах изводились в бесконечных серенадах влюбленные соловьи.

Шумилкины приехали на дачу всем семейством: папа Геннадий – бизнесмен, мама Вероника – фотомодель, Варя – их дочка и Никулишна – бабушка Анна, дальняя бедная родственница семейства, которую они выписали из деревни. Ну, и, конечно, полосатый котенок – будущий крысолов с большим носом.

В городе девочка играла «в котенка» два дня, не выпуская его из рук ни на минуту. Бабушка Анна Никулишна уговаривала девочку «спустить» кота с рук, потому что ему надо «исть-пить и писать». Варька Никулишну не слушала. Она ее с первого дня ни во что не ставила, говорила с ней грубо, не как дитя, а как купчиха вольная. Называла непременно «бабкою» и чуть что, кричала с вызовом, что все папе расскажет.

– А больно боюсь я твоего папу, – говорила себе под нос Никулишна. – Я его, стервеца голожопого, ого-го как, крапивою-то в детстве стегала. Боялась больно я папу твоего...

Котенок не выдержал такого испытания, и к вечеру первого дня, загнанный в угол в детской комнате, надул на белый ковер. Лужу бы никто не увидел, да Варька в одних носках прямо в сырость ступила. Девочка долго изучала сначала противно-мокрый носок, потом – едва заметный сырой круг на ковре. В ее кудрявой головке что-то щелкнуло, девчоночка догадалась, что к чему, и взревела, как сирена.

На ее вопли прибежали Никулишна, мама Вероника и папа Геннадий. Первой обо всем догадалась бабушка – из всех из них она одна была ближе к природе. Нет, папа Геннадий – троюродный внучок Никулишны – тоже козу от теленка отличал, так как и матушка его, и батя, и деды с бабками – все от сохи и от поля псковского были. Правда, признаваться в этом папа Геннадий не любил. Особенно при жене, которая от пеленок была столичной штучкой.

– Фи! – Скривилась мама Вероника. – Это что?

– Это котенок напился, – простецки пояснила Никулишна, ничуть не боясь фотомодели, и тут же кинулась на защиту носатого-полосатого. – А вы чего хотели-то?!

С вызовом спросила бабка деревенская. Паузу сделала, как положено: а вдруг сами догадуются. Да где там?! Вероника на бабку красивые свои глаза выпучила, ресницами хлопала, и чуть не плакала:

– Никулишна! Хватит загадки загадывать! Что ты в виду имеешь?

Бабушка у нее на «ты» была, как и у Варьки малой. Может, и Генка бы ей «тыкал» повсеместно, да не рисковал: видать, задница его еще с детства хорошо крапиву помнила. «А фотомодель – она персона важная, – рассуждала Никулишна. – Она для журналов всяких снимается. Вернее, снималась. Сейчас, говорят, старая стала. Придумают же такое: девке третий десяток всего-ничего, а про нее говорят – старая! Но не зовут ее давно фоткаться в шубах и сапогах на траве, да в купальниках на снегу. Время кончилось ее. У фотомодели век короткий».

Теперь вчерашняя модель Вероника всячески в кино пробивалась, с утра до вечера по кастингам бегала, да, видать, и тут плохо получалось. Оно понятно: моделей-то старых много, а ролей в кино на всех не хватает – это даже Никулишна понимала. Она сочувствовала Генкиной «жонке», и с сочувствием спрашивала ее, когда она вечером приползала, едва живая, домой:

– Что, опять облом?

Вообще-то, еще совсем недавно Анна Никулишна такого слова даже не слышала. Вся ее жизнь прошла в деревне глухой, заброшенной, в архангельских лесах затерянной. Десять домов в деревне, и только в половине из них люди живут, а остальные заколочены намертво. Какие там «обломы»?! Слыхом не слыхивала Никулишна такого слова. Как мать с отцом учили, так и говорили в деревне. Слова все понятные, в русском языке рожденные учеными людьми, не ругательные и не стыдные. И произносили их там с уважением, красиво-гладенько, будто яблоки зимние по столешнице деревянной раскатывали. Не то, что девки Генкины: «облом» да «зашЫбысь»! Да еще десятка два таких же слов заковыристых. Да все на «а», как будто специально показать хотели: вот, мы, в столицах рожденные, «акаем» по-столичному, по-городскому.

Так вот, спросит бабка у Вероники, что едва живая приползала вечерами, а той этот ее бабкин «облом» обидным покажется. Как будто сама его на каждом шагу не вставляет в каждое предложение. А что обижаться-то? Не нравится – так и скажи! Никулишна – бабка прямая. Не хотят с ней разговаривать, так она не бычится: повернется, как солдат, вокруг левого плеча, да и выйдет из дверей.

... – Что тут иметь в виду?! – Удивилась в свой черед Никулишна, потом согнулась в три погибели, из-под компьютерного столика котенка перепуганного вытащила, в ладошку свою

сухую посадила, другой накрыла. – Оно ведь сущность живая. Оно ест и пьет, и, знамо дело, в туалетЪ ему надоть, а Варька его до горшка не отпускала, вот он и... надул на ковер ваш.

– Варвара, – поправила старуху Вероника. – Девочку зовут Варвара, а не Варька!

– Да знамо дело – Варвара! По пачпорту. Так это будет потом. А пока порой и Варьки ей много. Особенно, когда слушать бабушку не хочет! – Никулишна кивнула на девочку, которая брезгливо стягивала сырой носок с ножки. – Я ей, ужо, говорила: спусти кота! Он – сущность живая! Он исть-пить хочет. И не только! Так ведь до нашей Варьки не докричатся, непослушная бывает, балованная...

Никулишна поглаживала котенка по спинке, он пригрелся и замурлыкал.

– Плохой котенок! – Сказала девочка и плюнула издалека в Никулишну.

– Варвара! Перестань плевать! – одернула ее Вероника. – Никулишна... Анна Никулишна, послезавтра мы уезжаем на дачу. Проследи, чтоб он больше нигде не нагадил. Я уж не знаю, как это сделать. Ну, придумай что-нибудь!

– А что тут придумывать, – вздохнула Никулишна, радуясь тому, что все так закончилось – могло быть и хуже! «Наверное, нашей фотомоделе удалось роль найти, то и добрая! – Дело-то не хитрое – котят растить!

Она унесла котенка в свою комнату, поставила ему у порога пластиковую коробочку из-под разносолов. Никулишна, веком не выдавшая таких в своей деревне, собирала разные чудности – коробочки да баночки, не выбрасывала в помойку. Вот и годилось что-то для чего-то: в одну она складывала разные документы свои, в другую – нитки-иголки-ножницы, а теперь вот и под горшок одна сгодилась!

Никулишна нарвала мелко газетку, высыпала бумажные крошки в лоток. Потом взяла котенка, поставила его в горшок, и поскребла заскорузлым пальцем, будто ямку выкопала. Котенок обнюхался, смешно чихнул, и выскочил из горшка.

– Ну-ну, – одобрила его маневр Никулишна. – Понял, поди! Вон, по морде видно – умненький...

Два дня Никулишна приучала котенка к горшку. Вернее, первый день ловила его в углах и сажала на горшок, оглаживая ласково, когда он понимал, чего от него хотят. А второй день только наблюдала за ним, одобряя неуклюжие действия криволапого малыша.

Пару раз в комнату к Никулишне приходила Варенька, гордо говорила на пороге: «Я за котиком!», забирала котенка и уносила в детскую. А там пустое место на полу, где еще недавно лежал пушистый белый ковер, сразу напоминало ей, как невоспитанный котик налил лужу, в которую она ступила. А он, как назло, ковылял как раз в то место, где это произошло, и начинал нюхать паркет, смешно фыркая.

– Ба! – Кричала Варенька, и распахивала двери навстречу тяжело ковыляющей Никулишне. – Забирай котика! Плохой он!

Не сложилось у них. И даже изготовленная бабкой игрушка – бумажный бантик на ниточке, за которым полосатый малыш бегал с удовольствием, не подружила девочку и котенка. Бабке было странно это видеть. У нее с детства были котята, которые вырастали в больших котов. Они, как хищники, жили на улице, ночевали в хлеву, у коровы под теплым боком, в дом заходили, как в гости, вкуснятинку из рук принимали с уважением, но стоило пригласить их к игре, как они забывали обо всем и носились, как угорелые за бантиком на нитке. Все дети обожали такие игры. «А тут деточка городская, а котешку не приветила, – размышляла бабка Анна. – Куклы, видишь вот, ей лучше нравятся...»

На даче было раздолье. У Шумилкиных в поселке Метелкино даже не дача была – домина в два этажа, из бревен, с крыльцом высоким. Участок большой, с садом-огородом, и сосновым лесом на задворках.

В доме комнат всем хватало. И хозяину с хозяйкой, и Варе, и у Никулишны была своя конура, которую она любила. Ей здесь все любо было, все дом родной напоминало в заброшенной архангельской деревне, в котором она, уезжая, самолично заколотила окна досками крест-накрест, чтоб стекла целы были. Вдруг еще изба пригодится...

А дверь входную не заколачивала и не запирала: по-деревенскому порядку приставила метлу, в крыльцо растопыренными голыми ветками уперла. «Упала, поди, метла-то давно, – порой думала Никулишна. – Шесть лет уж, как не бывала дома. Да и не бывать, поди, уже...»

В городе ей бывало грустно и тесно. Роста бабушка не маленького, и квартира городская ей была мала. Не понимала Никулишна этого городского уклада, не понимала, как же можно в таких коробках жить?! Потолок на голове, стены бетонные, холодные, окна в мир с пятнадцатого этажа, и вокруг одни этажи-этажи...

И вообще... За водой ходить не надо, за дровами – тоже. Даже стирать не надо. Стирает белье машина. И бани нет! Белое корыто, прости господи, в котором и голова, и ноги, и... прочие части тела.

А вот дом этот за городом, который Шумилкины дачей называли, Никулишне очень нравился. Было в нем просторно и светло. Какходишь в дом, так вверх пространство, простор – до крыши самой, а не потолок над головой, как в городе. И в этом пространстве, в самой верхотуре фонарь висит. Вечером, когда его зажигают, он, словно луна, освещает деревянный дом. И тогда в нем поселяются длинные тени, совершенно не страшные, а сказочно-загадочные.

Слева и справа от входа – лестницы на второй этаж, который, как балкон над первым нависает, с перилами резными, из тяжелых деревянных колобашек. Там, на втором этаже куча комнат хозяйских. А у Никулишны в распоряжении весь первый этаж с кухней, чуланом, и ее персональной норой. Туда, в нору эту, она и принесла котенка. Только сидеть дома он не стал: юркнул в щель – и на волю. Видать, на воле был рожден носатый-полосатый, и как увидел ее, волю-то, так и вспомнил все. Или почудилось ему, что вспомнил? Маму-кошку, и батюкота, и братьев-сестер. Только не помнил, как у Катерины Ивановны оказался, как семью свою потерял...

Дунул котенок во двор, где хозяин Геннадий разгружал вещи из машины, и принялся носиться челноком по двору, восторженно задрав хвост трубой. Никулишна за ним выползла на крыльцо, ладошку козырьком ко лбу приставила, искала глазами, а как нашла, улыбнулась ласково. По всему видно: котенку тоже тут больше нравилось, чем в городе.

И потянулись дачные будни.

С утра папа Геннадий и мама Вероника уезжали в город. Приезжали поздно вечером, а то и не приезжали вовсе – оставались ночевать в городе, только звонили, предупреждали, что не явятся.

Потом подались на две недели в гости в Лондон, оттуда еще в какую-то заграницу. Никулишну это мало волновало. Ей все эти заграницы без надобности были. Если бы не эта родня, да не надобность в ней, как в няньке деревенской, так Никулишна дальше границы своего архангельского леса и не выбралась бы. Ну, нарушала бы ее изредка летом, гуляя по грибы и ягоды, а вот чтоб куда-то ехать...

Даже в районный центр не было нужды выбираться, а не то, что в заграницу! Поэтому они с Варварой вдвоем жили, когда Геннадий-бизнесмен и Вероника-фотомодель по Лондонам катались. Варвара была самостоятельной девицей, у которой на даче были свои интересы. Главный интерес проживал за высоким забором: сосед Митя, которого пасли две родных бабки-молодухи. Пасли на совесть, глаз не спускали. И Вареньку к ним в компанию Никулишне

велено было отпускать по ее первому требованию. Когда девочка к ним уходила, Никулишна отдыхала без забот. Родители этот воспитательный вопрос сами решали, ее сильно не спрашивали. Да и не ждали они от Никулишны какого-то воспитания своего чада. Она больше не воспитателем Вариным была, а дом сторожила, порядок наводила. Правда, по-своему, по-деревенски. После нее Вероника ничего найти не могла.

И готовить по-городскому Никулишна не умела. Простое что-то, вроде, пюре картофельного, могла сделать, блины стряпала толстые, кожаные – одним таким блином можно было всю семью накормить. Супы варить ей Вероника запрещала категорически – чтоб продукты не переводила зря! Никулишна не обижалась: варила для себя чуть-чуть щей, таких, какие с детства любила. Косточка, хоть бы совсем голая, без мяса, свежей капусты кочашок маленький, морковки да лучку. Да, пару картошин целиковых! Никулишна любила их потом, уже в готовом супе, растоптать, а не резать по-городскому тонкими ломтиками. Для щей картошку лучше топтать.

Такие щи у них в деревне «белыми» называли. Они и в самом деле белесыми были, даже зеленоватыми из-за капусты. Их еще немного молоком для цвета забеливали.

Любила Никулишна такие щи. Могла их каждый день и на завтрак, и на обед, и на ужин есть. Запах у них особый был. И даже городские продукты давали этот дух «белых» деревенских щей.

Гастрономических пристрастий Никулишны ее домашние не разделяли, поэтому для остальных она стряпала из полуфабрикатов котлеты, пельмени, тушила замороженные овощи и жарила картошку-фри.

Вероника давно махнула рукой на Никулишну, и за глаза беззлобно называла «косорукой бабкой». И папу Геннадия, и маму Веронику очень устраивало присутствие в их жизни Никулишны. Она всегда была с ними, и они всегда были свободны. Да, она не могла научить Вареньку музыке и танцам. Она обучала ее ненужному в двадцать первом веке вязанию. Ну, кто сейчас вяжет, скажите? Но Варька с удовольствием ковыряла спицами, а бабка терпеливо поправляла ошибки. Какая-никакая, а занятость.

Никулишна была Вариным телохранителем. Она торчала в песочнице, как изваяние с острова Пасхи, похожая на него внешне грубыми чертами деревенского лица, терпеливо дожидаясь, пока девочка наиграется в куличики. Изредка они на пару ходили в магазин, где Никулишне доверяли покупать только хлеб. Все остальное Вероника и Геннадий покупали сами на рынке и в гипермаркете – большой продуктовой лавке.

И одежду Никулишне Вероника покупала сама. И ведь попадала и в размер, и в расцветку. Этого у нее было не отнять: видела она, что бабке Анне и враз будет, и понравится.

На кармане у Никулишны была ее пенсия, которую она тратила экономно, по-деревенски откладывая часть денег «на черный день». А траты... Да какие уж это траты?! Конфет ей иной раз хотелось простеньких. У Вероники конфеты коробками на кухне лежали, да такие Никулишне не по вкусу были. «Квелье» – так называла она их, и, прихватив матерчатую сумку, с которой не расставалась никогда, шагала в магазин на углу, и приносила оттуда подушечек, или мармеладок. Обязательно без фантиков – «голеньких», вываленных в сахарном песке.

На даче Никулишна варила варенье, и архангельская чаевница была счастлива: подвал ломился от банок. Она развела плантацию клубники, чем порадовала Веронику и Варвару. Малину не сажала: малина к ним сама «пришла» от соседей – красная и желтая. А еще она соорудила парник, в котором выращивала огурцы и помидоры. Вероника с Геннадием, взглянув на хлипкое сооружение из жердочек и полиэтиленовой пленки за баней, усомнились в его нужности, но Никулишна отстояла его:

– Снаружи не видать, а пусть будет! – заявила бабушка Анна. – Вы еще будете закусывать и нахваливать. А я без огорода не могу! Если не дадите – отправляйте меня назад в деревню!

В деревне у нее все свое росло: и картошка, и лук, и сладкий горошек с морковкой. Огурцы и помидоры не росли – климат северный уж больно суров!

– У меня, может, мечта была – огурцы да помидоры! Дозвольте осуществить!

Шумилкины махнули рукой на мичуринские причуды, и Никулишна взялась раскапывать усадьбу дальше. За парничком появилась грядка с картошкой, которая год от года становилась шире и длиннее.

– Никулишна, картошку-то зачем сажать?! – чуть не со слезами спросил Геннадий. – Мы ж ее не едим!!

– Зачем – зачем?! За спросом! Не едите, потому как у вас ее не было и нет, – спокойно ответила Никулишна. – А я никому не мешаю! Картошку, вон, у соседей купила, у них она рассыпается. Язык проглотишь!

Так и было. Глава семьи едва язык не проглотил, когда отведал бабкиной картошки с укропом и маслом. Вопрос был снят. Геннадий даже купил Никулишне набор садово-огородных инструментов, а себе мини-трактор – пахать по весне картофельное поле. Никулишна посмотрела, как троюродный внучок управляется с техникой, согнала его с чудо-машинки, попросила показать, что куда включать, и через полчаса пахала сама, лихо прихватывая с краев кусочки целины.

– Хорошо, что ты бензопилу не купил, – простонала Вероника, жалуясь вечером мужу. – А то бы твоя бабушка сосны бы попиливала!

Никулишна будто услышала это, и за обедом сказала:

– Сосён больно много на участке, а на них яблоки не растут...

– Что я и говорила! – Вероника многозначительно посмотрела на мужа.

К счастью, обошлось без вредительства, и сосны остались живы, и копать Никулишна стала только там, где ей отмеряли хозяева. И с этого огорода она снимала урожаи такие, какие соседям и не снились. Роста Никулишна была не малого, неуклюжая и огромная, но сильная. А вот рука у нее легкая: что ни воткнет в землю, все растет и дает плоды. И помощи бабушка Анна ни у кого не просила. Что сажать, что полоть – все сама. В воспитательных целях Никулишна попыталась приобщить к этому делу Варвару, но где вы видели ребенка, который с удовольствием пропалывает сорняки?! Вот это самое Варька и сказала Никулишне:

– Ба-Анна! Ты сбрендила?! Сорняки полоть! Да я же еще ре-бе-нок! Я гулять пошла!

– Иди, гулена, – ворчала Никулишна.

Она проводила Варьку до соседнего дома, впихнула ее в калитку, и пробасила вслед:

– Хозяева! Принимайте гостью.

Бабки-молодухи выпорхнули на крыльцо и защебетали на два голоса:

– Варенька, здравствуй! Здравствуйте, Анна Никулишна! Чайку попьете?

– Благодарствуйте! Дела у меня. Пойду. Вы, это, как приведете Варьку домой, кричите меня, чтоб она не ушмыгала куда. Пошла я!

Никулишна закрыла за собой калитку, на всякий случай погрозила Варьке пальцем, мол, помни, как себя вести. Девочка по привычке показала ей язык, отвернулась и поскакала на одной ножке к крыльцу, где ее ждал приятель Митя с бабками-молодухами.

А Никулишна сполоснула руки, скинула у входа в дом резиновые калоши, которые надевала для работы на огороде, и позвала котенка:

– Котенька, пошли чай пить!

Котенок все понял, задрал хвост трубой, и побежал за Никулишной. Он уже хорошо знал, что такое «Котенька, пошли чай пить!» Это значит, что бабка раскочегарит самовар – старый, настоящий, с черной трубой, который топят сосновыми смолистыми шишками, – и пока заваривается чай, она достанет из большого белого ящика жирное молоко, щедро плеснет в миску,

и погладит котенка. Он будет, зажмурившись, лакать, а она пожалуется ему на то, что Варька совсем от рук отбилась, а родители ей все потакают и потакают. А еще какие-то сороконожки объявились в парнике, которые «жрут и жрут листья огурцов, уже все в дырку, и ломай тут голову, чем попрыскать против них».

Они удивительно находили общий язык, разговаривали молча, и слышали друг друга. Котенок забирался по длинной бабкиной юбке ей на колени, она подставляла ему большие твердые ладони, и он устраивался в них, и заводил свою песню – храндучал. Бабкино слово. А как иначе скажешь, если и в самом деле – храндучит?!

Лето они прожили в любви и согласии. Котенок из малыша превратился в подростка – длинноногого и угловатого. Нос у него стал еще больше, и черные изящные кисточки на ушах сильнее обозначились. Он шнырял с утра до вечера по участку, часами сидел в подвале, как в дозоре, и караулил крыс. Они, кстати, почуяв кота, куда-то ушли, исчезли, испарились. Это первой заметила Вероника. Она стала с уважением поглядывать на кота. Вот только он, прожив целое лето в их доме, так и не обзавелся именем. Никулишна звала его ласково «котенькой», а остальные никак не звали. В лучшем случае – «кыс-кыс».

А лето, между тем, подбежало к финишной ленточке. В самом конце августа зарядили дожди, и папа Геннадий сказал, что если не распогодится, то скоро надо выбираться в город.

Никулишна срочно убирала в огороде и парнике. Уже не надо было крутить огурцы и помидоры, и варенье варить было не из чего. Слива не уродилась, удалось собрать лишь маленькую корзинку – на компот, да поесть. Картошку Никулишна выкопала еще до дождей и успела высушить на солнышке.

– Ну, вот, котенька, еще один год кончился, – бабушка Анна года считала не со смены календаря, а от окончания осенней уборки урожая. – Сейчас соберемся, и зимовать поедем.

Кот сидел на крыльце под навесом и слушал Никулишну, которая тщательно очищала щепкой от подсохшей земли лопату, и вещала басом:

– Я тебе песочку сухого мешочек припасла, потому как ты любишь теперь все делать по-взрослому, в песочек, а не в газетки рваные! Скучать будешь по вольной воле-то, котенька! Там ведь у нас этаж высокий, и лифт. В лифте коты на улицу не *ездют*, так что придется тебе жить до самой весны, как и мне – в неволе. Неволя, брат, она и есть неволя. Моя б воля, я б отсюда никуда, ни ногой. А что?! Еды тут навалом. Хлеб печь – не велика премудрость. Хочь в хлебопечке, хочь в духовке. Печку бы поставили на первом этаже, и зимовали...

В своих мечтах она порой уезжала в свою архангельскую деревню, почти полностью вымершую, но такую родную. Ей порой по ночам снилась старая изба, с заколоченными крест-накрест окнами, и печка, в которой она варила необыкновенного вкуса кашу, а по ночам, когда было холодно, спала на печи, раскинув на теплых кирпичках старый матушкин тулупчик.

– Не знаешь ты, котенька, что это такое – спать на русской печке. А это, как Варька говорит, «самый кайф»! Бывает, с вечера расхвораешься до соплей и температуры. Ну, чашку чаю с малиной наведешь, да на печь и завалишься. От хворобы-то сразу уснешь, как убитый. А утром поднимешься, а ее – простуды-то, будто и не было. Вот такая лекарка она, печка русская. Жалко, котенька, что ты так и проживешь свою *жизню*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.